

Из вышеизложенного ясно, что ближайшие задачи марксистов могут в некоторой своей части совпасть с конечными целями идеологов буржуазии; как, например, укажем на одинаково приемлимую и для с-да, и для идеолога буржуазии борьбу против пережитков и остатков крепостничества в деревне (защита свободного выхода из общины и др. правовые требования крестьянства). Точно также поддержка с-д. общедемократических требований народничества не только не посягает на чистоту принципов марксизма, но, наоборот, эту чистоту линии подтверждает.

Удовлетворительный ответ дает Струве своим критикам и ко наиболее жгучему вопросу о роли личности в истории. „Не всякий исторический процесс неизбежно таков,—говорит Струве,—каким его рисует Маркс; по хозяйственным условиям Россия 19 века представляет картину развивающегося капитализма, и нет таких общественных сил, которые могли бы остановить его развитие. Отсюда прямая обязанность—не просто поддаваться импульсам нравственного чувства, а сознательно сделать последнее фактором исторической необходимости... Моральное исследование должно быть превращено в действительную историческую силу. Оно должно быть приурочено к интересам того общественного класса, которому по условиям развития производительных сил суждено быть носителем общественного прогресса и высших нравственных идеалов“.

Вышеизложенное разъясняет и действительный смысл заключительной фразы „Критич. Заметок“:—„признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму“. По поводу „этих страшных слов“ П. Струве разъясняет, что „русское общество в его целом потому нуждается в капиталистической „выучке“, что только эта выучка, развивая производительные силы страны, создает и будет создавать условия культурного прогресса и предпосылки новой более высокой экономической формации. Во-вторых, только капиталистическая „выучка“ может взростить классовое самосознание—этот могущественный рычаг общественного развития. В-третьих, только капиталистическая „выучка“ внесет во взаимные отношения общественных классов полную ясность... Капиталистическая выучка уничтожит тот фантом всеобщей внеклассовой интеллигенции, которая до сих пор есть главный устой веры в самобытное экономическое развитие“...

Вышеприведенные места из статьи Струве „Моим критикам“ и самый факт напечатания этой статьи в сборнике на-ряду со статьями Плеханова и Ленина, говорят о том, что петербургские революционные марксисты осенью 1894 г. значительно „толкнули“ Струве влево, однако же, скептицизм и критика не оставили Струве, критическое развитие которого совершалось неуклонно пока не дошло до шовинизма, до теории „великой, неделимой“ России.

Любопытно, что Михайловский уже в 7-ой книге „Русск. Бог.“ за 1895 г. берет Струве под свое покровительство в отзыве о книге Кареева.

„...Приведу,—пишет Михайловский,—еще страницу из одного сочинения другого писателя, (Зиммеля) в трудах коего столь сведущий добросовестный и логически-сильный мыслитель, как П. Струве, видит „плодотворное внесение в социологию философского критицизма и научного психологического анализа“.

ГЛАВА VIII

Сожженный цензурой сборник „Материалы по вопросу об экономическом развитии России“. Книга И. Гурвича „Экономическое положение русской деревни“. А. Болгин „Обоснование народничества в трудах г. Воронцова (В. В.)“. Письмо Ушакова (Плеханова) в редакцию „Русск. Мысли“.

Помимо уже отмеченных статей П. Тулина и П. Струве в сожженном марксистском сборнике были еще напечатаны следующие: П. Скворцов—„Итоги крестьянского хозяйства по земским статистическим исследованиям“. В. Ионов—„Борьба общины с хутором“. А. Потресов—„Кризис в замочном промысле Павловского района Нижегородской губернии“. Третий том „Капитала“ в изложении Бернштейна, перевод В. Классона. Д. Кузнецов (Плеханов)—„Пессимизм, как отражение экономической действительности“. Утис (Плеханов)—„Несколько слов нашим противникам“. ¹⁾ Две первые и заключительная глава „Итогов“ П. Скворцова—первоначально были напечатаны в „Юрид. Вестнике“ за 1892 г. и нами уже выше цитировались, поэтому ограничимся лишь следующим общим выводом,

¹⁾ В сборник предназначалась еще статья П. Аксельрода „Главнейшие запросы русской жизни“, но из-за болезни автора к сроку не была доставлена.

к которому приходит автор „Итогов“: „Тот исторический процесс отделения производителя от средств производства и существования, который в Англии совершался пять столетий, совершается у нас гораздо быстрее даже без насильственного вмешательства и экспроприации средств производства рабочего. Таким образом Россия стремится стать капиталистической нацией по образцу западно-европейских наций и для этого предварительно преобразовывает своих крестьян в пролетариев“...

В статье „Пессимизм, как отражение экономической действительности“ Кузнецов (Шлеханов) причину пессимизма в истории русской интеллигенции объясняет в конечном счете нашей экономической действительностью, которая делала передовых русских людей, зараженных новейшими идеями европейской культуры, просто „умными ненужностями“: таков Чаадаев в своем известном философическом письме, таковы народники 60—70 годов, пошедшие в народ с самыми светлыми передовыми идеями и которым народ, по образному выражению Гл. Успенского, ответил: „Не суйся“. Отсюда их тяжелое пессимистическое настроение.

О народнической интеллигенции, плакавшейся на развитие капитализма, Кузнецов говорит:

„Экономическое развитие опередило развитие вашей мысли и вы остались позади в качестве ненужности—теперь уж, увы—совсем не умной. Вот почему русская жизнь и кричит вам: „не суйся“.

Что касается пролития слез о развитии капитализма в России, то Кузнецов заявляет, что «капитализм лучше нашего старого экономического порядка только настолько, насколько движение лучше застоя. В этом смысле мы очень рады развитию у нас капитализма. Но радоваться его развитию вовсе еще не означает стараться связать руки тем, которых капитал эксплуатирует. Напротив, мы радуемся его развитию именно потому, что у его жертв в значительной степени развязываются руки и мы поможем жертвам совсем развязать их. Вы не понимаете как это можно сделать... Это ваше несчастье, в котором мы совершенно неповинны. А нужно сознаться, что это—огромное несчастье, благодаря которому вы решительно не в состоянии найти себе скольконибудь плодотворнее дело и способны лишь по выражению Гл. Успенского „плакать над цифрами“...

„Марксистский сборник“, как уже упоминалось выше, был сожжен по постановлению Цензурного Комитета.

В четвертом томе „Красного Архива“ опубликован весьма интересный доклад цензора Матвеева об этом сборнике. Надо признать, что Матвеев совершенно правильно передал сущность статей, помещенных в сборнике. „Рассматриваемая книга, читаем в докладе Матвеева, является органом русских марксистов, и в ней излагается доктрина этих последних“. Статья П. Скворцова, по мнению цензора, представляет, так сказать, тяжелую артиллерию сборника, научный цифровой материал, укрепляющий теорию Маркса «о неотразимом ходе капиталистического процесса, вполне приложимого к нашей жизни». Особенно вредную марксистскую доктрину цензор обнаруживает в статье Н. Тулина, которой уделено $\frac{2}{3}$ доклада; доктрина эта—заключается в учении о борьбе классов“. „Разрешение этой задачи нелепо возлагать на государство, которое по самой своей природе на стороне капитала“...

Весьма подробно изложив содержание статей Тулина и Кузнецова, цензор Матвеев приходит к заключению, что, во-1-х, „настоящий сборник имеет в виду распространение доктрины, направленной против существующего общественного и государственного порядка, причем русские марксисты, выступившие в этом сборнике в своих комментариях и выводах из экономической теории Маркса в том виде, как она изложена в его трактате „О капитале“, заходят далее его самого, очевидно, руководствуясь не только научными и критическими исследованиями в области политической экономии, но и агитаторской деятельностью во главе Интернационального общества рабочих, основанного с целью возбуждения классово-борьбы между представителями труда—рабочими и представителями капитала, под которыми русские марксисты, как это видно из статьи Тулина, разумеют буржуазию в самом широком смысле, причисляя к органам ее все установленные государством власти; что, во-2-х, в статье Н. Тулина государство выставлено пособником и союзником капитализма, угнетающего и эксплуатирующего народный труд, при чем осмеяны, как явная нелепость, невинные пожелания тех, кто ожидает разрешения вопроса о народных нуждах и удовлетворения социальных потребностей от государственной власти; что, в 3-х, в названной статье Тулина, как и в статье Скворцова, вы-

сказаны крайне вредные суждения о крестьянской реформе и допущены злопамятные толкования правильности выкупа крестьянами земли; что, в 4-х, в статье Кузнецова „Пессимизм, как отражение экономической действительности“, содержится выписка из брошюры Энгельса, ученика и последователя Маркса, указывающая, что разрешение социального вопроса, т.-е. освобождение одного класса от эксплуатации другими, надо искать в рабочем движении, ибо только пролетариат, собранный в больших городах, освобожденный от традиционных цепей, способен совершить великое общественное преобразование, которое положит конец эксплуатации обездоленных классов—представителей труда“...

Изложив, таким образом содержание статей сборника, цензор усматривает в них... „вредное направление, клонящееся к потрясению существующего порядка и притом высказанное не в качестве основного личного мнения, а как бы в виде программы русских последователей учения Маркса“.

На основании этого доклада сборник „Материалы для характеристики нашего общественного развития“ был конфискован в типографии и сожжен. Уцелело лишь около 100 экземпляров.

Так расправилось самодержавие с легальным выражением революционного марксизма. Можно ли было при таких условиях легально отвечать „друзьям народа“, мнившим себя чуть ли не революционерами, но практика коих вполне укладывалась в рамки действительности?

В начале 1896 г. выходят книги: И. Гурвича „Экономическое положение русской деревни“ в переводе и с предисловием А. Санина и А. Волгина (Плеханова), „Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова“ (В. В.)

Книга И. Гурвича вышла по-английски в Америке еще в 1892 г. и предназначалась автором для представления на факультет политических наук, как диссертация на получение докторской степени. В основу работы были положены статистические исследования по некоторым уездам Рязанской губ., проштудированные автором еще в России в 1883 г. и отчасти издания Воронежского Статистического Бюро.

В предисловии к русскому изданию автор устанавливает генезис антинароднических воззрений на деревню. Родоначаль-

никами скептического отношения к общине в русской литературе Гурвич считает Н. Зиберера и М. Ковалевского, определенно высказавшихся по этому вопросу еще в 70-х годах. Наряду с ними нужно поставить Глеба Успенского. Никто так много не сделал, как он, для развенчания иллюзии мужицкого „коммунизма“. Прошло полтора десятка лет, прежде чем общественное мнение изменилось настолько, что книга неизвестного автора, отрицательно относящегося к господствующему взгляду на общину, находит издателя“.

Наибольший интерес в книге представляют главы: „О разложении крестьянской патриархальной семьи“, „Превращение самостоятельного хозяина в земледельческого рабочего“ и заключительная глава о последствиях голода 1891 года.

Автор приходит к заключению, что с экспроприацией слабых дворов и концентрацией общинной земли в руках немногочисленных сильных с’емщиков наши „хозяйственные мужички“ трансформируются в крестьянскую буржуазию... Переходные группы полу-хозяев, полу-рабочих, руками которых обрабатывалась раньше большая часть помещичьих земель, вытеснены голодом в разряд пролетариев. А раз работник сделался пролетарием, то и помещичьи земли должны по необходимости... приобретать правильный капиталистический характер.

Рассматривая голод 1891 г., как поворотный пункт в экономической истории России, Гурвич приходит к выводу, что не община и не натуральное хозяйство составят будущее России, а крестьянская буржуазия, пролетариат и капиталистическое сельское хозяйство.

Попутно в примечании к этому заключению Гурвич высказывает не лишнюю интереса мысль о всемирном значении хозяйственной эволюции русского сельского хозяйства: „До сих пор, говорит он, американский фермер встречался на международном рынке с русским крестьянином либо как с мелким земледельцем, либо с возделывателем помещичьей земли. В этой конкуренции большая экономия труда и более дешевые средства перевозки обеспечивают победу за американским производителем. В будущем обремененному долгами американскому фермеру придется конкурировать с русским капиталистом. Едва ли надо быть пророком, чтобы предсказать, что падение русского крестьянства

ускорит гибель мелкого сельского хозяйства в Америке". Россия, по мнению Гурвича, в будущем будет иметь крестьянскую буржуазию, с.-х. пролетариат и капиталистическое сельское хозяйство.

Как известно, предсказания Гурвича не оправдались. Правда, на юге и юго-востоке мы имели широко развитое вполне капиталистическое крупное торговое земледелие, чуть ли не хлебные фабрики, и русская пшеница начинала было завоевывать рынок, однако, эволюция русского сельского хозяйства пошла не по прусскому образцу, т.-е. не путем образования юнкерских капиталистических поместий, но и не по американскому. Русская революция закончившись полной победой пролетариата и крестьянства, тем самым преопределила и новые формы владения землей.

Национализация земли при полной победе революции, как это не раз доказывал Ленин, является наилучшей формой землевладения, но формы землепользования могут быть разнообразны. Россия пошла по пути образования мельчайших крестьянских хозяйств. При таких условиях конечно не приходится и говорить о конкуренции с американским фермерством.

Но мелкое крестьянское хозяйство отнюдь не является застывшей формой землепользования. Необходимость удешевления производства хлеба вынудит крестьянство перейти к общественной обработке земли с применением усовершенствованных орудий.

Переводчик книги Гурвича А. Санин, в особом приложении, подвергая обстоятельной критике народнические взгляды В. В., Кривенко, Южакова, Михайловского и друг., приходит к выводу, что „полемика гг. суб'ективистов с материалистами служит не более как отражением сознанный и провозглашенной уже „розни“ между „хозяйственными“ и „бесхозяйственными“... Отражение происходящей уже борьбы классов в деревне: крепкого крестьянства и деревенской бедноты.

Мысль эта в столь определенной форме впервые высказана была А. Саниным.

„Буржуазное презрение суб'ективистов к „бесхозяйственному“, их нежелание защищать его интересы и отделять их от интересов „хозяйственного“ мужика—все это, говорит Санин,—связывает современное народничество с крестьянской буржуазией. Поскольку В. В., Южаков и др. стали на сторону самостоятельных хозяев и с презрением отвернулись от бесхозяйственных, постольку

„в их лице народничество, как движение идеологическое, превращается в смердящий труп“...

Интересно отметить, что уже в 1893 г. В. Струве отмечал большую ценность работы Гурвича, сумевшего выбрать из богатейшего статистического материала типические примеры для характеристики основных вопросов с.-хоз. экономики. Струве вполне присоединился к взгляду Гурвича о том, что „будущее России будет иметь своей основой крестьянскую буржуазию, деревенский пролетариат и капиталистическое сельское хозяйство“. И Струве и Гурвич рисуя себе перспективы русского сельского хозяйства предполагали, конечно, не полную победу революции, а сделку с монархией по прусскому образцу.

Заканчивает свою заметку Струве следующими общими соображениями: „Совершенно справедливое замечание высказывает автор (т.-е. Гурвич) относительно русского национального социализма: „Русские народники мучаются над загадкой, как бы примирить теорию Маркса с учением Чернышевского“. Однако, только *cum grano salis* приходится признать правильным отзыв Гурвича о Воронцове, будто бы он в своей книге „Судьбы капитализма в России“ (1882 г.) „разрешил эту загадку, придя материалистическим методом (?) К. Маркса к выводам Чернышевского“. Позднейшие сочинения Воронцова и особенно недавно появившаяся книга „Наши направления“ отчетливо вскрыли сверхидеалистическое ядро во взглядах Воронцова, которое лишь при помощи тщательного анализа можно было заметить в „Судьбах капитализма в России“. Философской основой „народничества“ служит идеализм (и при том весьма наивный идеализм); только внешне он может приспособить к себе идеи Маркса; сущность же марксизма, как цельного философского и социологического мирозерцания, остается ему совершенно чуждой. Это совершенно ясно видно и из весьма замечательной книги Николая —она „Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства“ (СПБ. 1893). Хотя Николай—он с чрезвычайной старательностью цитирует Маркса, тем не менее сущность научного учения Маркса остается ему совершенно непонятной¹⁾.

¹⁾ См. об этом статью Струве в *Socialpolit. Zentralblatt III Jahrg. S. I.* (Archiv für sociale Gesetzgebung und Politic: Bd. VI. 1893, стр. 630—633)

А. Волгин (Плеханов) в своей книге „Обоснование народничества“ в трудах г-на Воронцова (В. В.) подверг уничтожающей критике Воронцова, как социолога и „политико-эконома и как теоретика народничества.

Волгин приходит к выводу, что хотя „идеалы“ гг. народников и очень дики, но практические стремления их очень полезны. Если бы эти стремления осуществились, то от этого наша культура много выиграла бы и наш капитализм сделал бы огромный шаг вперед.

„Единственное,—говорит Волгин,—в чем мы упрекаем наших народников, это несоответствие их идеалов с их практическими стремлениями. Пора нашим народникам... познать самих себя. Раз придут они к такому самопознанию, они бросят как никуда негодную ветошь свои допотопные „идеалы“ и станут весьма полезными культурными деятелями. И тогда русский капитализм скажет им сердечное „русское спасибо“ даже за их, вообще говоря, очень неудачные „артельные начинания“. (Стр. 283).

Несмотря на уничтожающую критику основ народничества, Волгин все же отмечает и нечто положительное в практике народничества, например, их культур-трегерство, которое, конечно, не только не задерживает развития капитализма, а скорее ускоряет. Как видит читатель, Волгин не так уж безнадежно, как А. Санин, расценивает деятельность народничества, однако он имеет в виду легальное народничество, да и то в его наиболее скромных проявлениях, но он совсем не упоминает о демократической части программы революционного народничества, с которым у марксистов нашлось бы не мало общего и что уже отметил Тулин в своей статье против Струве („Эконом. содержание народничества“).

В напечатанном в том же году в „Русской Мысли“ (№ 9) открытом письме к В. Гольцеву¹⁾ Плеханов, возражая на статью В. Гольцева об „Экономическом материализме“, заканчивает свое письмо следующими словами: „Жестоко ошибается тот, кто говорит, что экономические материалисты равнодушны к экономическим интересам народа. Нет они вовсе не равнодушны к ним. Но они глубоко убеждены, что ничего хорошего... ни в каком отношении не принесут народу те приемы „борьбы за народное благосо-

¹⁾ „Несколько слов в защиту экономического материализма“.

стояние“, которые рекомендуют наши сторонники старых „устоев“. В этом отношении между экономическими материалистами и народниками—бездонная пропасть. Никакое соглашение между ними невозможно. Но вы, м. г., не принадлежите, думается мне, к числу защитников „устоев“. И я надеюсь, что с людьми—вашего направления экономические материалисты могли бы сойтись во многом, хотя конечно, и не во всем“.

В этих заключительных строках письма Ушакова-Плеханова интересны подчеркнутые слова „в этом отношении“ и „вашего направления“. Допустим, что в легальной статье Плеханов повидимому не мог разъяснить, в каком же именно отношении у марксистов с народниками могут быть общие, хотя и временные задачи, но за то он более определенно высказался о людях гольцевского направления, с которыми марксисты „могли бы сойтись во многом, хотя и не во всем“.

Что же это за люди гольцевского направления?

„Русская Мысль“ после смерти Шелгунова и ухода из нее Михайловского и Короленка обратилась в литературную гостиницу, содержателями коей были Вукол Лавров и Бахметьев, а идейным вдохновителем конституционалист В. Гольцев (см. изданный мною в 1915 г. „Архив В. Гольцева“).

Не знаем, достаточно ли был осведомлен Плеханов о политической позиции Гольцева, но во всяком случае марксисты не только не могли сойтись с ними „во многом“, но, думается, разошлись бы и в ближайших требованиях, ибо московские либералы 90-х годов не являлись сторонниками полного демократизма¹⁾.

Противопоставление народников либералам и заявление, что с первыми у марксистов „бездонная пропасть“, а со вторыми много точек соприкосновения, умолчание о положительной части программы народников в статье „Несколько слов нашим против-

¹⁾ Позиция, занятая „Русской Мыслью“ по отношению к марксистам, оказалась весьма эластичной. Так, например, книгу Струве „Р. М.“ высокомерно назвала продуктом непереваренной эрудиции, а сторонников экономического материализма „фаршированными головами“. Но уже через 3—4 месяца после этой рецензии „Р. М.“ спохватилась и пустилась в рассуждения о том, что „в интересах науки и нашей общественной жизни она была бы готова приветствовать представителей этой теории, если бы не излишняя резкость в полемике по отношению к уважаемым писателям“. Эту перемену позиции „Русской Мысли“ мы объясняем попыткой хотя какнибудь оживить бесцветный журнал.

никам“, в книге против В. В., и наконец в письме к Гольцеву—все это как бы предопределяло позднейшую тактику Плеханова в революции 1905 г.—тактику соглашения с либералами. Сопоставление тактики Ленина и Плеханова по этому основному вопросу напрашивается само собой. Еще в 1895 г. определились эти „две тактики“, но в то время они вряд ли кем были замечены.

ГЛАВА IX

Первая легальная марксистская газета¹⁾

(„Самарский Вестник“)

Борьба марксистов с народничеством разворачивалась в атмосфере все разраставшегося и крепнущего рабочего движения. Стачка петербургских ткачей показала всему „обществу“, что имеется только одна реальная сила: рабочий класс. Буржуазная интеллигенция, фрондирующие земцы, различные общественные деятели, радикальные литераторы—словом все те, кто обычно создавал у нас так называемое общественное мнение—быстро меняют фронт.

Стало ясно, что пролетариат выступил на арену политической жизни как внушительная, борющаяся с царизмом сила. Эту силу либерализм торопится учесть точно так же, как учитывалась когда-то борьба „Народной Воли“ с правительством. („Дайте нам что-нибудь, иначе они будут бросать бомбы“). Правда, с-дня выдвигает не только требования политической свободы, но стоит ли особенно смущаться социализмом, который так не реален, так далек... „Общество, интеллигенция, говорит в своих воспоминаниях о „союзе борьбы“ Н. К. Крупская („Творчество“ № 1—10), сочувствовало забастовке (ткачей), давало деньги и прятало литературу: это была пора весны русского рабочего движения, когда для большинства „публики“ не видно было еще, к чему оно приведет“. Этого не могли предвидеть либералы и потому „сочувствовали“, „содействовали“, помогали. С дру-

¹⁾ Статья эта была представлена в редакцию журнала „Литература и Критика“ еще в мае 1924 г., но не появилась в свет в виду того, что издание журнала не осуществилось.

гой стороны, и „легальные“ марксисты, представлявшие из себя кость от кости и плоть от плоти этого самого „общества“, старались обезвредить, приспособить марксизм к потребностям „общества“. Марксизмом стали пользоваться для борьбы с нашей отсталостью, самобытностью, для борьбы со старым экономическим порядком, за культурный и экономический прогресс, за европеизм.

В то время даже для самих „легальных“ марксистов, не говоря уже о сочувствующей им разнообразной интеллигенции, „нелегальный“ марксизм не так уже был страшен: попрежнему непоколебима была уверенность в том, что в борьбе, или лучше сказать, сделке с самодержавием примет главнейшее участие интеллигенция.

Итак „общество“ переменяло фронт. Марксизм получает возможность проникнуть в легальную литературу.

Если лидер московских либералов В. Гольцев сгоряча и обозвал в „Русской Мысли“ марксистов „фаршированными“ головами, а книгу П. Струве „продуктом непереваренной эрудиции“ то уже в 1896 г. он весьма охотно предоставляет страницы своего журнала марксистам, конечно „в целях выяснения истины“ и при условии „вежливого обращения с авторитетными и уважаемыми писателями“. Так, в февральской книге „Р. М.“ за 1896 г. появилась статья П. Струве в виде письма в редакцию по поводу статьи Л. Оболенского „Новый раскол в современной интеллигенции“. Оболенский выступил с неудачной попыткой примирения сторон, выдвигал „новый“ взгляд—„третью“ точку зрения, которая сводилась к возможности „теоретического переживания“ европейской экономической эволюции. В своем возражении Оболенскому Струве правильно замечает, что это—вариация на старую тему. „Западническая фракция народничества вслед за своим основоположником постоянно имела в виду то „теоретическое переживание“, о котором говорил Оболенский. Вся вера в социальное призвание русской интеллигенции, которая мыслилась и мыслилась независимо от общественных классов, вытекала именно из этого убеждения. В сентябрьской книге „Р. М.“ за тот же год появилось упомянутое выше письмо в редакцию Ушакова (Плеханова) в защиту экономического материализма.

В конце 1895 г. для марксистов открывают свои страницы „Мир Божий“, журнал „народопродавца“ А. Богдановича. Так, в